

ГАБИТУС И СУБЪЕКТИВНОСТЬ: ОПЫТ ЖИВОЙ ИСТОРИИ В ТЕЛЕПРОЕКТЕ «УСАДЬБА ЭДВАРДИАНСКОЙ ЭПОХИ»

© М. А. Корещкая

© Е. В. Савенкова

Корещкая
Марина Александровна
кандидат философских наук
заведующая
кафедрой философии
Самарская
гуманитарная академия

Савенкова
Елена Владимировна
доцент кафедры философии
Самарская
гуманитарная академия

В статье на материале телевизионного проекта «Усадьба эдвардианской эпохи» рассматривается проблематика техник тела и габитуса и ставится вопрос о влиянии повседневных практик на формирование различных типов сборки субъекта.

Ключевые слова: телевидение, история, габитус, техники тела, субъект.

С 2002 года телевизионная корпорация ВВС предлагает зрителям ряд исторических реалити-шоу, поданных под соусом «ожившей истории»¹. Все эти проекты погружают волонтеров — людей XXI века, по преимуществу простых обывателей, — в повседневность какой-либо эпохи на некий, зачастую достаточно долгий срок (от нескольких дней до года) с тем, чтобы они прочувствовали сами и позволили прочувствовать зрителю жизнь минувших эпох как бы изнутри. Эти шоу пользуются неизменной популярностью, поскольку в очень верной для телевидения пропорции сочетают в себе претензии на точность исторической реконструкции и развлекательную

¹ *Усадьба эдвардианской эпохи* / The Edwardian Country House 2002г. Участники — добровольцы, обычные англичане; место съемки — усадьба Мэндонстон, расположенная у границ Шотландии; задача — воспроизвести повседневный быт и отношения «верхов» и «низов» в эдвардианскую эпоху; длительность — три месяца.

Викторианская ферма — Рождество / Victorian Farm — Christmas 2003 г. Участники — группа историков и археологов, место съемки — поместье Эктон Скотт в английском графстве Шропшир; за-

интригу, суть которой в том, что повседневные практики, некогда составлявшие ткань обыденной жизни, неизменно оказываются для участников шоу, к их немалому удивлению, настоящим экстримом. Зритель не просто разглядывает одежду, интерьеры и предметы обихода, узнает о давно забытых хозяйственных практиках и правилах этикета, но и получает удовольствие от весьма специфического зрелища, недоступного в жанрах «костюмного» художественного кино или научно-популярного фильма с элементами инсценировок. Так, зритель реалити-шоу имеет шанс заметить, насколько неорганично выглядит современный человек в платье даже начала XX века, как много неудобств оно ему причиняет. Он видит, сколь нелепое зрелище представляет собой современный историк, пытающийся пахать землю плугом или стучать молотом по наковальне. Что может быть зрелищнее, чем неподдельный ужас новоиспеченных «аристократов» перед сервированным по эдвардианским правилам праздничным столом или глубочайший шок волонтеров по поводу правил личной гигиены хоть XVII, хоть XIX века, которые участники эксперимента должны будут применять к своим телам в течение долгих месяцев. Все эти манипуляции с попытками втиснуть современную телесность в чуждый ей образ жизни сопровождаются комментариями испытуемых, которых постоянное при-

дача воссоздать традиции празднования Рождества, приготовление праздничного ужина и убранство дома; длительность — несколько недель.

Колониальный Дом / Colonial House 2004 г. Участники — добровольцы, семь человек и три семьи, в основном американцы; место съемки — восточное побережье Америки; задача — жить по нормам и обычаям XVII века, а также построить самодостаточную колонию; длительность — четыре месяца.

Рождественский пир эпохи Тюдоров / A Tudor Feast at Christmas 2006 г. Участники — группа историков и археологов; место съемки — английская усадьба елизаветинского времени Хэддон Холл; задача — облачившись в одежду того времени, приготовить тюдоровский рождественский пир, используя продукты, рецепты и технологии той эпохи; длительность проекта — несколько дней.

Викторианская ферма / Victorian Farm 2009 г. Участники — группа историков и археологов; место съемки — деревня Моруэл Хенки в английском графстве Дэвэн; задача — воссоздать быт, образ жизни и труд фермера викторианской эпохи, используя лишь инструменты и технику того времени, традиционные технологии, сорта растений и породы животных, длительность — год.

Эдвардианская ферма / Edwardian Farm 2010 г. Участники — группа историков и археологов, место съемки — поместье Эктон Скотт в английском графстве Шропшир; задача — воссоздать быт, образ жизни и труд фермера эпохи правления Эдуарда XVII, используя лишь старинные инструменты и технику из фамильной коллекции Эктонов, традиционные технологии, сорта растений и породы животных; длительность — год.

Фармацевтика Великобритании в викторианскую эпоху / Викторианская аптека / Victorian Pharmacy 2010 г. Участники — группа историков и археологов; место съемки — городок Блест Хилл графства Шропшир; задача — воссоздать аптечный быт XIX века, некоторые рецепты и представления о медицине в целом того времени.

Все эти проекты знакомы российскому зрителю благодаря каналу Viasat History.

существование камеры провоцирует на незатейливую, но зато симптоматичную рефлексию по поводу того, что им удается, а что нет и как именно они себя чувствуют в шкуре викторианского фермера или колониста XVII века. Иными словами, предметом для зрелища становится то, что в исторических постановках затушевывает актерская игра, но выпукло показывает режим реалити-шоу, — несоответствия телесности (в самом широком смысле) современного человека и того пустого слепка с телесности человека другой эпохи, который мы можем получить, если реконструируем соответствующую этой эпохе повседневность.

Какова же, с позволения сказать, эвристическая ценность такого рода экспериментов? Разумеется, телевизионная «прописка» лишает их какого бы то ни было научного статуса. Все эти анимационные эскерсисы, рассчитанные на широкую публику, историка или исследователя культуры повседневности могут разве что позабавить, а то и вовсе разозлить. Новых знаний они не добавляют и могут служить лишь целям просвещения теле-аудитории и патриотического воспитания в развлекательной форме. Однако развлекательность этих проектов все же не отменяет их экспериментальности. Если оставить в стороне неосуществимые претензии на аутентичность, становится видно другое. Волонтеры честно стараются буквально воспроизвести быт и этикет, но с обреченной безнадежностью производят множество незапланированных эффектов, косвенно сообщающих больше о конфигурации современного типа субъективности, нежели о конфигурации субъекта минувших эпох.

Воспользовавшись терминологией Бурдье, можно сказать, что суть зрелища такого рода состоит в конфликте габитусов. Действительно, сборка субъекта всегда исторически определена в том смысле, что она осуществляется благодаря формированию тела под воздействием определенных повседневных практик. Упомянутые выше телепроекты BBC дают превосходный материал для постановки вопроса о габитальной пластичности тела: в какой степени тело, «обточенное» одной повседневностью, может быть перенесено в другую и как попытка такого трансфера может сказаться на конфигурации субъекта? Что не дает телу быть абсолютно пластичным в этом смысле? Каков тот осадок, который не проходит сквозь сепаратор телевизионной машины времени?

Наблюдая за поведением участников такого рода шоу, зритель может совершенно справедливо упрекнуть их в недостаточной искренности, в осознанной или не вполне осознанной работе на камеру. Казалось бы, именно присутствие теле-наблюдателя мешает полному вживанию участников в контекст и тем самым фальсифицирует результаты эксперимента. Однако в данном случае симптоматика самообмана или фальши перед недремлющим оком телеприсутствующего Другого важна не меньше, чем попытки честного самоотчета. Вообще говоря, телевизионный способ организации экспериментального пространства здесь принципиален, поскольку он имеет прямое отношение к габитусу современного человека. Привычка смотреть на себя всегда нуждалась в опосредующей оптике, и в этой функции зеркалам наследуют медиа. Рефлексивность современного субъекта-обывателя

на уровне рефлексов запускается устройствами типа телекамеры и нуждается в медиапространстве. Так что сегодня уже нельзя говорить о том, что автономный субъект подвергается внешнему воздействию со стороны медиа или уклоняется от него. По большому счету, механизм рефлексии все больше перестает быть трансцендентальным и становится медийным. Поэтому потенциал реалити-шоу вполне позволяет нам стать свидетелями столкновения двух габитусов, построив для такого столкновения экспериментальную ситуацию.

Справедливости ради имеет смысл воздать должное корпорации BBC как признанному лидеру теледокументалистики. И дело здесь не только в том, что подобран целый штат талантливых режиссеров, сценаристов, операторов, костюмеров, гримеров и т. п., но и в том, что BBC мастерски применяет технологии воспитания собственного зрителя. Во многом именно благодаря этому каналу англичане получают матрицу для формирования национальной идентичности. Разумеется, сегодня, как и в 20-е — 30-е годы, когда была основана корпорация BBC, в этом много идеологии и имперского духа, но так называемое патриотическое воспитание подается в весьма рассчитанных микродозах и чутко реагирует на зрительский запрос, а потому, по всей видимости, и не воспринимается как идущая откуда-то извне «промывка мозгов»². Да, удивительно, но зритель может интересоваться историей при условии, конечно, что она подана в правильной упаковке. В качестве такой упаковки выступают телевизионные стратегии, включающие эмоцию сопереживания. Зрителю предлагают задаться ностальгическим и даже в чем-то приватным вопросом такого рода: «А могли бы мы жить так, как жили наши предки?» Но отвечая на него, зритель подспудно отвечает и на вопрос «Что значит быть британцем?», оживляя не только историю, но и идентичность и получая тем самым повод для гордости. Но и для аудитории BBC, и для авторов исторических проектов ожить сможет не любая история, в режим реалити-шоу попадает то, что и так в каком-то смысле живо. Именно самые трепетные моменты английской истории — времена правления Тюдоров, королевы Виктории и Эдуарда VII — дают материал для подобного рода телепроектов. И не случайно, ведь это вехи формирования Империи, навевающие британцам мечты о славе, процветании, роскоши — одним словом, о силе имперского духа и оттеняющие проблемы глобализации, исламизации населения, терроризма, экономического кризиса, нестабильности Евросоюза и прочие ужасы современности, которыми они живут сегодня.

² К тому же не следует забывать о том, что корпорация BBC общественная, а не государственная, что, собственно, и позволяет снизить градус идеологической пропаганды. Кстати, любопытным и симптоматичным представляется тот факт, что российское телевидение полностью исключает подобную практику анимирования истории. История для современного российского телевидения по-прежнему остается разменной монетой, существуя как для власти, так и для общества на уровне Вех, Празднеств и Памятных дат. Такую историю вершат сильные мира сего или Народ, повседневная жизнь человека малоинтересна. Прошлое, таким образом, принадлежит государству и не только по факту принадлежности телеканалов.

Кроме того, достоин внимания и, если так можно выразиться, методологический принцип реалити-проектов «ожившей истории» — великие времена показаны через малых людей, через опыт организации повседневного пространства. В каком-то смысле телевидение принимает к исполнению идею «медленной истории», восходящую к школе анналов. Фернан Бродель в контексте обсуждения научной мечты о «тотальной истории»³ (то есть описывающей все существующие в обществе связи — экономические, социальные, культурные) говорит о том, что история событий должна дополняться историей «долгого времени»⁴ (*longue duree*), причем этот тандем по идее должен вытеснить привычную историю деятелей и их деяний. Такая история не имеет субъекта, если не считать таковым все общество в целом. Даже «великие персоны» приобретают статус агентов исторических действий и в этом качестве они не слишком-то отличаются от каких-нибудь любезных сердцу Жака Ле Гоффа⁵ сукновалов, интеллектуалов, мелких торговцев и проч., и проч., чьи имена сами по себе особо никого не интересовали ни тогда, ни теперь. Мы видим этих людей в качестве тех, кто скорее претерпевал историю, чем создавал ее. Но именно в этом качестве они и обретают свою субъектность, правда, не в классическом, а в фукольдьянском смысле, предполагающем, что субъект не предшествует социальным процессам, а является, по большей части, их результатом или даже эффектом. История в стиле «долгого времени» требует междисциплинарного подхода, привлекая социологические, экономические, этнографические исследования, и интересуется массовыми представлениями людей различных эпох и культур, сменой ценностных установок на протяжении веков, проблемой исторической памяти и культурой повседневности. Вообще говоря, изучение повседневности, ставшее популярным в конце XX века, не просто открыло новое, доселе не паханное поле гуманитарных исследований, но и превратилось в своеобразный манифест деидеологизированной истории.

³ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 115—142. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/braudel.htm> (дата обращения: 20.11.11).

⁴ К слову сказать, долгое время лишь в условном смысле хронологично, поскольку оно, в отличие от времени событий, не является временем дат, и в этом отношении оно больше напоминает эон (длительность с размытыми границами). Как писал Бродель, «мир 1558 года, столь зловещий на часах французской истории, не родился на рубеже этого безрадостного года, как и, снова в масштабе французского времени, очередной тяжелый год для Франции не начался в новогоднюю ночь 1958 года. Любая «современность» включает в себя различные движения, различные ритмы: «сегодня» началось одновременно вчера, позавчера, «некогда» (см.: Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 115—142. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/braudel.htm> (дата обращения: 20.11.11)).

⁵ См.: Гофф Ж. Ле. Другое Средневековье: время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. Гофф Ж. Ле. В поддержку долгого Средневековья // Ж. Ле Гофф. Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 31—38. Гофф Ж. Ле, Трюон Н. История тела в средние века. М.: Текст, 2008.

Действительно, интерпретация «больших событий» исключает непредвзятость исследовательской позиции, одним словом, как бы ученый ни хотел уйти от идеологических высказываний, его интерес все же вынуждает его принять чью-либо сторону и полученная реконструкция событий несет на себе отпечаток пусть и невольной, но ангажированности. В то время как рассматривая историю, например, елочной игрушки, можно не опасаться влияния своих политических симпатий на итоговое знание. Исследователь может тешить себя надеждой на то, что он всего лишь непредвзятый свидетель, собирающий и транслирующий факты, его роль практически сведена к роли оптического устройства. Что же до елочной игрушки, то она на законных основаниях сама может свидетельствовать о проникновении идеологием в самую ткань обыденной жизни рассматриваемых периодов, что позволяет интеллектуалу вести разговор об идеологии с неидеологических позиций. Именно в силу этого вожденная объективность теперь оказалась на стороне предметов обихода и повседневных практик.

Описание повседневных практик так или иначе включает в себя проблематику того, что Марсель Мосс назвал техниками тела. Под последними он понимал «традиционные способы, посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом⁶». Мосс приходит к выводу, что мы не можем говорить о естественных, природных и потому общечеловеческих действиях: даже, казалось бы, детерминированные физиологией ходьба, плавание, сон, бросание камней и т. п. в разных обществах «упакованы» в разные способы. По Моссу, в техниках тела всегда слито до неразличимости физиологическое, психическое и социальное, а транслируются эти техники посредством воспитания, которое предполагает престижное подражание и даже жесткую дрессуру. Таким образом, «каждое общество обладает своими, присущими только ему привычками». Привычки в данном случае трактуются как габитус⁷ и имеют не индивидуально-метафизический, а кол-

⁶ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/moss_obshestva/05.aspx (дата обращения: 12.12.11).

⁷ «В течение многих лет у меня было такое представление о социальной природе habitus. Обращаю ваше внимание на то, что я говорю habitus на настоящей латыни, понятной во Франции. Слово это передает суть дела несравненно лучше, чем “привычка” (habitude), (exis), “навык” (acais) и “способность” (faculte) в истолковании Аристотеля (который был психологом). Оно обозначает не те метафизические привычки и таинственную “память”, о которых говорится в солидных томах или в небольших и знаменитых диссертациях. Эти “привычки” варьируют не просто в зависимости от индивидов и их подражательных действий, но главным образом в зависимости от различий в обществах, воспитании, престиже, обычаях и модах. Необходимо видеть техники и деятельность коллективного практического разума там, где обычно видят лишь душу и ее способности к повторению» (см.: Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/moss_obshestva/05.aspx (дата обращения: 12.12.11).

лективно-практический смысл, отчасти передаваемый словом «сноровка»⁸. Сходная проблематика рассматривалась Норбертом Элиасом⁹, чьи работы значительно повлияли на Фуко. Правда, Элиас, в отличие от Мосса, сосредотачивается не на различиях этнокультур, а на динамике трансформаций того, что он называет «манерами», «нормами поведения» в рамках европейской цивилизации. Эти нормы (как то: спать в ночных рубашках, сморкаться в платок, есть ложкой и вилкой с собственной тарелки и т. п.) не являются врожденными или свойственными человеку вообще. «Порог стыдливости» подвижен во времени, он смещается в связи с изменениями социальной фигурации. По мере удлинения «цепочек взаимозависимости» (расширения круга общения и взаимосвязей между людьми) растет степень принуждения скрывать естественные чувства и потребности. Элиас полагал, что, появившись в среде придворной аристократии, такие запреты по мере взаимопереплетения различных слоев общества распространились и среди обыкновенных мещан. Таким образом, западная цивилизованность есть не что иное, как увеличение самоограничений, с одной стороны, и возрастание чувствительности к окружающей действительности, с другой. То, что у социолога Элиаса выглядело как цивилизационный шаг от принуждения к самоконтролю, в терминологии философа Фуко приняло вид тезиса о том, что интериоризация контроля за функциями тела и поведением есть не что иное, как условие формирования субъективности. Так практики добровольной телесной аскезы (заботы о себе) оказались напрямую связаны с конфигурациями субъекта. Окончательно концептуализировал понятие габитуса, как известно, Пьер Бурдьё, опираясь при этом на Мосса и Элиаса, но принципиально выходя на уровень сугубо теоретических обобщений. В его редакции габитус — это принцип практик индивида, целостная система диспозиций восприятия, оценивания, классификации и действий, результат опыта и интериоризации индивидом социальных структур. Габитус порождается средой, «классом условий существования» и имеет неосознанный характер. В этой трактовке габитуса заметно некоторое смещение от конфигураций телесности к конфигурации «здорового

⁸ «Здесь уместно использование очень важного как для психологии, так и для социологии понятия сноровки. Но во французском языке мы располагаем лишь плохим термином *habile** (*умелый*), мало соответствующим латинскому слову *habilis*, гораздо лучше подходящему для обозначения тех людей, которые обладают навыками, чувством адаптации своих хорошо скоординированных движений по отношению к целям, то есть тех, кто “знает толк” в том или ином деле. Это английское понятие *craft, clever* (сноровка, наличие ума и навыка), это мастерство в чем-то. Здесь мы вновь с очевидностью оказываемся в области техники». См.: Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/moss_obshestva/05.aspx (дата обращения: 12.12.11).

⁹ Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб, 2001. Элиас Н. Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: социология и история. М.: Языки славянской культуры, 2002.

смысла», однако за этим смещением угадывается лишь попытка выровнять баланс. Ведь бессознательность габитуса определяется именно его телесным характером: установки глубоко вписаны в тело и проявляются в манере, стиле, привычке держаться, подчиняясь определенным «забытым» и полностью не рефлекслируемым требованиям. «Габитус — это история, ставшая природой и тем самым отрицаемая в качестве таковой»¹⁰.

Однако вернемся к нашим телевизионным проектам. В порыве просвещенческого и воспитательного энтузиазма ВВС в своих исторических реалити-шоу превращает в зрелище практически все то, о чем писали вышеозначенные интеллектуалы. Телевидение создает экспериментальную ситуацию, извлекающую весь зрелищный потенциал из столкновения габитусов и примерки на современные тела техник тела недавнего прошлого¹¹, которая благодаря присутствию камеры носит временный характер и рассчитана на показ. Такая ситуация совершенно искусственна, но собранные в рамках телепроекта практики позволяют судить, правда, обремененному соответствующими вопросами наблюдателю, о характеристиках современной сборки субъекта. Продемонстрируем это на материале конкретного проекта «Усадьба эдвардианской эпохи».

Этот вышедший на экраны довольно давно, в 2002 году, проект оказался одним из самых удачных и любимых зрителями. Причин такого успеха несколько. Во-первых, цель этого проекта — реконструкция образа жизни в богатой загородной усадьбе начала XX века — явно имеет архетипический смысл для английской аудитории. Время правления короля Эдуарда VII сами англичане ностальгически называют Belle Epoque и считают самым безмятежным периодом истории Великобритании. «Говорят, что именно эта ностальгия по пикникам в летний полдень, большим дамским шляпам и шардам при свете садовых фонариков, пронесенная через

¹⁰ «Являясь продуктом истории, габитус производит практики как индивидуальные, так и коллективные, а следовательно — саму историю в соответствии со схемами, порожденными историей. Он обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом «организме» в форме схем восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества и постоянства практик во времени. <...> Габитус содержит в себе решение парадоксов объективного смысла без субъективного намерения: он есть основа всех тех последовательностей «приемов», стратегически организованы объективно как стратегии, не являясь продуктом настоящего стратегического намерения, а это предполагает, по меньшей мере, что эти «приемы» воспринимаются лишь как одна из многих возможных стратегий» (см.: Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998 — Том I, выпуск 2. URL: <http://www.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (дата обращения: 10.10.11).

¹¹ Зрелищный потенциал конфликтов габитусов давно уже распробован кинематографом — сюжеты, где герой попадает из современности в другие времена, или наоборот, оказываются поводом для своеобразной комедии положений. Один из самых показательных примеров — фильмы режиссера Ж.-М. Пуаре «Пришельцы» (1993) и «Пришельцы-2: Коридоры времени» (1998), в которых граф де Мон Мирай и его слуга Жак Уй (в исполнении Жана Рено и Кристиана Клавье) попадают из раннего Средневековья в современность.

окопы Первой мировой войны, создала эдвардианской эпохе репутацию счастливой. Ведь после войны привычный уклад исчез прямо на глазах»¹². Эдвардианская усадьба с ее сочетанием стильной роскоши, новомодного комфорта (типа электрического освещения, водопровода и ванных комнат) и паркетно-ситцевого уюта до сих пор может претендовать на статус «дома мечты». Во-вторых, проект обращается к сравнительно недавнему прошлому — всего сто лет назад люди так жили и считали эту жизнь нормой. Показательно, что некоторые участники проекта целенаправленно выбрали роли прислуги, чтобы понять своих бабушек и дедушек, бывших некогда «в услужении». Однако «вжиться в шкуру эдвардианцев» оказалось совсем не просто — столь малый в масштабах истории временной разрыв показал, тем не менее, колоссальные различия не только техник тела, манер и границ приватности, но и той стороны габитуса, которая отвечает за конфигурацию «здорового смысла» и чувства собственного достоинства. Что, разумеется, привнесло в проект дополнительную напряженность и зрелищность. В-третьих, в начале XX века в Англии социальное расслоение достигло колоссальных масштабов¹³: элита пребывала на апогее роскоши, хотя многие жили не по средствам, в то время как большинство (около 80-ти процентов населения), вынужденно проживая в городах, вело убогое существование впроголодь. Более того, социальная иерархия всячески подчеркивалась правилами этикета и находила прямое отражение в дифференциации образа жизни. Поэтому, воспроизводя быт эдвардианской усадьбы, участники эксперимента воспроизвели и сложную систему социальных ролей, совершенно некомфортную для обывателей XXI века. Примерка социальных статусов эпохи Эдуарда оказалась для волонтеров предприятием весьма экстремальным, но все же не невозможным. В то время как попытка всерьез перед камерой примерить отношения средневекового лорда и принадлежащих ему на правах личной зависимости крестьян и слуг, а уж тем паче рабовладельцев и рабов периода римской колонизации Британии, оказалась бы уж вовсе за гранью всякой легитимности¹⁴. В-четвертых, живости и напряженности проекту добавил тот факт, что его участниками были простые обыватели¹⁵, демонстрирующие непосредственную реакцию

¹² См.: Батлер О. Эдвардианское настроение. URL: http://antrakt.ng.ru/timeplace/2008-02-22/13_britain.html (дата обращения: 10.10.11).

¹³ Например, служанка зарабатывала за год столько же, сколько стоил типичный эдвардианский обед на двадцать персон.

¹⁴ Поэтому не менее архетипическая эпоха Тюдоров в режиме реалити-шоу практически не была задействована. Единственная попытка — рождественский пир эпохи Тюдоров — всего лишь реконструирует практики приготовления и употребления праздничной пищи.

¹⁵ Участники проекта:

Семья: Джон Оллифф-Купер — бизнесмен, Анна Оллифф-Купер — врач-травматолог, Джонатан, Гай — дети, Эврил Хендсон, сестра Анны — преподаватель. Слуги: Хью Роберт Эдгар (дворецкий) — архитектор-консультант миссис Девис (экономка) — домохозяйка, мисс Морисон (личная горничная хозяйки) — парикмахер, костюмер, Раджи Селикх (гувернер) — учитель истории и религии,

на происходящее и не слишком-то обремененные теоретическими знаниями о быте эдвардианской эпохи. Для сравнения: в проектах «Эдвардианская ферма», «Викторианская ферма», «Викторианская аптека» волонтерами является группа из трех историков и археологов, чья компетентность, увлеченность материалом и привычка к профессиональной рефлексии не дают развернуться их телесным обывательским рефлексам, что, в свою очередь, дурно сказывается на экспериментальном характере ситуации. Непрерывающийся научный дискурс защищает их, подобно панцирю, от всего происходящего, поэтому они так и остаются в течение целого года только лишь историками в исторических костюмах.

Итак, участникам проекта «Усадьба эдвардианской эпохи» приходится по условиям игры отказаться от своих неосознаваемых, вылепивших их тела по формам повседневности XXI века, габитальных структур. Совокупность же новых габитусов, соответствующих реконструированной эпохе, сначала воспринимается ими как сугубо внешний и вынужденно осознаваемый свод предписаний, дающий своей чуждостью и некомфортностью (распорядок дня, обязанности и этикет)¹⁶. В самом начале решительно

Дени Дубьяр (повар) — шеф-повар элитных французских ресторанов,
Тристан Олдридж (кучер) — 19 лет, профессиональный наездник,
Чарли Клайд (1-й лакей) — 23 года, территориальный менеджер по продажам
Роб Дейли (2-й лакей) — 23 года, сотрудник лондонской подземки,
Антония Досен (кухарка) — 30 лет, оператор связи в полицейском участке,
Ребекка Смит (1-я горничная) — 26 лет, консультант в туристическом центре.
Джессика Ролинсон (2-я горничная) — 23 года, бухгалтер в фирме,
Кенни Скелтон (коридорный) — 18 лет, сотрудник службы здравоохранения,

медбрат,

Кейли Сквайр (посудомойка) — 18 лет.

¹⁶ Характерно, что все участники проекта получили (каждый в соответствии со своей ролью) книжечки со своеобразным кодексом поведения, где по пунктам описывалось, что они могут, чего не могут и что обязаны делать. Например, младший слуга обязан помнить, что никогда:

— находящиеся в доме леди и джентльмены не должны без необходимости слышать его голос;

— он не смеет начинать разговор с вышестоящими самостоятельно без специальной причины;

— не имеет права высказывать свое мнение хозяину или даже просто желать ему доброго утра и ночи (кроме вежливого ответа на приветствие последнего).

Но слуга обязан всегда:

— помнить, что интересы господской семьи для него стоят на первом месте;

— уступать дорогу хозяевам или вышестоящим слугам;

— стоять спокойно, не шевеля руками, когда с ним разговаривает леди, и внимательно смотреть на говорящую;

— когда убирает в комнатах, избегать попадаться на глаза хозяевам. Если же случайно горничная очутилась в их поле зрения, она обязана замереть и, отведя взгляд, ждать, пока хозяева пройдут. Этим она будет избавлена от неловкости объяснять свое присутствие (см.: *Ватлер О.* Эдвардианское настроение. URL: http://antrakt.ng.ru/timeplace/2008-02-22/13_britain.html (дата обращения: 10.10.11).

все сбиты с толку, никто не может уместиться в распорядок дня, тела оказываются беспомощными, почти что парализованными, и то же самое происходит с речью. Мы видим женщин, путающихся в длинных юбках и неловко выползающих из экипажа; хозяйина дома, который после первого ужина замечает, что, кажется, слуги выглядят гораздо более респектабельно, чем его семья; нелепо ухмыляющихся лакеев, которые просто еще не смогли примерить к собственной мимике выражение сдержанного и подобострастного почтения. Но постепенно, поскольку погруженность в этот тип повседневности длилась достаточно долго, происходит некоторое вживание. Мы можем наблюдать, как под воздействием одежды, этикета и хозяйственных практик одни техники тела вытесняются другими — меняются походка, осанка, мимика. Подопытные экстремалы уже не играют роли хозяев и слуг, а в значительной мере становятся ими, в то время как их идентичность, относящаяся к XXI веку, частенько оттесняется к самому горизонту сознания. Вплоть до того, что наши современники засекают себя за тем, что они чувствуют, действуют и мыслят, «как эдвардианцы». Впрочем, в такие моменты они, конечно же, попадают не в эдвардианский век, а в своеобразный телевизионный «Neverland», особенно если учесть, что такого рода признания произносятся на камеру. Вживание никогда не происходит до конца, потому что нельзя полностью соскрести с тел знаки исходной хабитуализации. Так что в системе регулярно и с неизбежностью происходят сбои, правила нарушаются — и это-то составляет самую соль эксперимента. Нельзя заранее предсказать, где, в каких моментах исходное «форматирование» будет сопротивляться особенно сильно, что именно окажется невыносимо для добровольно-принудительных эдвардианцев.

Чтобы перенестись во времени, надо быть изолированными в определенном пространстве, причем в пространстве, насыщенном следами искомой эпохи, а потому социальноемком. Дом — усадьба Мэндостон¹⁷ — работает как машина трансформаций. Причем, это машина не в современном смысле, здесь недостаточно просто нажать на кнопку, чтобы запустить скрытый процесс и получить готовый эффект. Это старая машина индустриальной эпохи, требующая для своей работы, чтобы в нее были инкорпорированы человеческие тела. Механика дома самой своей пространственной организацией вынуждает участников проекта отказываться от современных привычек как неуместных и производит статусы и роли, структуры габитусов и специфические техники тела эдвардианской эпохи. Таким образом, наглядно видно, что социальная иерархия немыслима без работы пространственных диспозиций и буквально взращивается на благодатном гумусе повседневных практик.

Рассмотрим корреляцию некоторых пространственных диспозиций и социальных статусов. Проект наглядно показывает, что «верхи» и «низы»

¹⁷ Эта усадьба собственно и была построена в эдвардианскую эпоху для развлечений, существовала в качестве загородного дома, была отреставрирована в конце XX века и сохранила при этом специфическую планировку, интерьеры и основные коммуникации того времени.

— это не просто социополитическая метафора. О статусе агента действия можно судить по тому, в какие пространства он допускается, а в какие нет, где он буквально дислоцирован в системе этажей особняка. В частности, слугам категорически запрещается пользоваться парадным входом; хозяевам даже мысль не приходит воспользоваться черным; от того, кого из визитеров через какой вход пускают в дом, зависит оценка их положения в обществе. Хозяевам не следует спускаться на цокольный этаж, им не пристало бывать в помещениях для прислуги, поскольку это осквернило бы их господское достоинство. Грязные работы абсолютно изолированы от их взгляда: господа просто звонят в колокольчик, запуская весь процесс, который скрыт от них. Иными словами, необремененность хозяйственной стороной быта оказывается необходимым маркером принадлежности к социальным элитам. Любопытно, что «хозяева» легко и быстро смиряются с такой изоляцией, а когда время от времени занавес приоткрывается, удивляются искренне и неподдельно, что их комфорт стоил «прислуге» столь тяжелого труда. То есть они буквально застают себя в роли эксплуататоров¹⁸. В свою очередь, посудомойка практически не покидает кухни, более того, не разгибает спины, постоянно намывая посуду и ползая по полу с тряпкой, — и эта специфическая поза буквально воплощает ее самый низкий статус. В этой четкой иерархии есть и медиаторы (дворецкий и экономка), для которых открыта практически вся география дома, поскольку именно они осуществляют управление хозяйством. Есть и фигуры в некотором смысле маргинальные. Например, из членов хозяйской семьи с прислужкой внизу постоянно находится только младший сын, что, разумеется, подчеркивает его «пока еще нестатусность». Гувернер и камеристка, поскольку они все-таки слуги, но максимально близкие к «телу» семьи, должны избегать низовых пространств, хотя они лишь до определенных пределов вошли в пространство верхнее, и это подчеркивает их вечную изоляцию и промежуточность. Здесь нет свободных от социальных маркеров мест, любая дислокация может быть прочитана как недвусмысленное послание. Сэр Джон, усаживая во время обедов гувернера-индуса рядом с незамужней сестрой своей жены, первого возвышает, вторую же унижает, не делая при этом никаких официальных заявлений, кроме ссылок на этикет. Интересным местом является холл, в нем происходят встречи всех обитателей дома, причем эти встречи максимально ритуализованы. Господа и слуги выстраиваются определенным, подчеркивающим иерархию образом, по разные стороны зала; остающееся пустым центральное пространство обозначает непреодолимость социальной дистанции между ними. Во время таких встреч хозяин читает молитвы (обыкновенно назидательные) и сообщает о своих решениях, слуги же, как говорится, имеют

¹⁸ Похожее откровение снизошло и на одного участника проекта «Колониальный дом», желавшего через возвращение к корням понять, как европейцы додумались сочетать идею равенства и практику рабовладения. Будучи, как это называется, афроамериканцем, он, погрузившись в тяжелые будни американских колонистов, вдруг осознал, что и сам охотно завел бы рабов. Здесь его гуманистическая критика расовой дискриминации претерпела внезапный коллапс, и он покинул проект.

право хранить молчание. В принципе, подчинение регламенту производит любопытный эффект: даже тогда, когда господа и слуги находятся в одном пространстве, возникает устойчивое ощущение, что их дислокация топологически несоизмерима — словно масло и уксус, они представляют собой несмешивающиеся субстанции.

Конфигурация зон приватности является необычайно важным параметром формирования габитуса, поскольку от нее напрямую зависят техники сна, ухода за телом, не говоря уж о сексуальности. Право на приватное пространство или отсутствие такового — опять же устойчивый маркер положения в иерархии. Все члены семьи имеют собственные спальни, что, несомненно, указывает на их суверенность. У старших слуг есть свои комнаты, в то время как младшие слуги спят в комнате по двое, причем посудомойка и младшая горничная — на одной кровати. Коридорный и вовсе получает место для сна в коридоре за ширмой. Есть и еще одна маленькая, но весьма показательная деталь: горничные не имеют права что-либо менять в своих комнатах (например, вешать картинки на стену), то есть они не могут маркировать пространство знаками собственного присутствия — это они должны вживаться в дом, а не приспосабливать дом под свои представления об уюте. Из соображения «приличий» прислуге предписана жесткая пространственная сегрегация по половому признаку: спальни женщин находятся на чердаке, спальни мужчин — на цокольном этаже, и даже днем их дислокация во время работы такова, чтобы ни в коем случае не допустить их уединения, тем более уединения вдвоем. Еще один красноречивый штрих: жестяная ванна для прислуги, которую они должны принимать раз в неделю, находится в коридоре за ширмой. То, что с точки зрения современного человека воспринимается как вопиющее нарушение норм интимности, в логике эдвардианской эпохи имело совсем другой смысл: принципиальная проницаемость носила дисциплинарный характер, с одной стороны, принуждая выходцев из фермерских семей к подконтрольной гигиене, с другой стороны, пресекая даже потенциальную «эротическую активность». Впрочем, и жизненное пространство господ не менее прозрачно для взгляда Другого: двери в спальнях не запираются, чтобы слуги рано утром имели возможность затопить камин, а после принести завтрак и разбудить хозяев. Подобная проницаемость приватных зон требовала от господ навыка постоянной собранности и необходимости соблюдать приличия даже в бессознательном состоянии, каковым и является сон. Следует упомянуть и еще об одной пикантной детали, говорящей о заметном смещении границы приватности: так сказать, «ночные вазы» за всеми обитателями дома должен был опорожнять коридорный, что в эдвардианскую эпоху всего лишь недвусмысленно подтверждало его самый низкий статус. Но для некоторых участников эксперимента эта незначительная дань традиции превратилась в серьезное испытание, поскольку современный человек совсем не готов, чтобы ему оказывали подобные услуги, в том числе и потому, что сегодня — это сомнительная привилегия физически немощных людей. Кстати, и коридорный, надо думать, смиряется с означенной выше обязанностью только потому, что

в обычной жизни в качестве медбрата привык ухаживать за людьми с ограниченными возможностями.

В целом, можно отметить, что эдвардианский дом может функционировать только при условии жесткого соблюдения пространственной субординации и выполнении не только всех функций, но и всех норм этикета.

Специфическая организация пространства, взращивающая определенный габитус, поддерживается не менее специфической организацией времени. Изюм дня в день дом работает, как сложный часовой механизм, поэтому неукоснительное соблюдение временного режима является правилом для всех. В ситуации, когда занятия и функции всех обитателей дома взаимоувязаны, всякое действие, выбивающееся из распорядка, будь то халатность слуг или недисциплинированность господ, грозит застопорить всю систему в целом¹⁹. Однако социальная иерархия все же находит недвусмысленное отражение в темпоральном режиме: количество времени

¹⁹ Распорядок обычного дня эдвардианской усадьбы:

6.00 Первой просыпается посудомойка, она должна разогреть кухонную плиту, вскипятить воду для чая, а также коридорный, который чистит обувь и выносит ночные горшки.

6.30 Просыпаются горничные. Они бегут на кухню готовить чай и утренние тосты для камеристки и экономки. Затем первая горничная убирает основные комнаты. Она расставляет вещи по местам, протирает пыль, полирует мебель, чистит щеткой ковры в комнате для утренних приемов, в обеденной зале и в гостиной. Вторая горничная разжигает камин в доме. Посудомойка вместе с кухаркой накрывают стол для завтрака прислуги.

7.00 Повар начинает готовить завтрак для господ.

8.15 Слуги завтракают в своей столовой, расположенной в цокольном этаже здания. Кухарка дает им овсяную кашу, чай и хлеб с маслом. Сразу после завтрака камеристка спешит в спальню своей хозяйки — наполнять для нее ванну, помогать одеться и причесаться. Первая горничная тоже бежит вверх — обслуживать другую госпожу, хозяйкину сестру. Хозяина будит дворецкий. Лакеи накрывают стол в столовой для семейного завтрака.

9.15 Утренняя совместная молитва в холле, после которой семья отправляется есть завтрак, приготовленный французским поваром: фрукты, яйца, колбаски, возможно, пара копченых рыбин или рис с рыбой и яйцами, а возможно — телячьи почки. За столом прислуживают дворецкий и один из лакеев в полном ливрейном облачении. Второй лакей подает завтрак наверх — молодому наследнику и его гувернеру.

10.00 Повар уже приступил к приготовлению второго завтрака для господской семьи. Экономка печет хлеб, а затем идет в комнату для утренних приемов обсудить с леди дневные рутинные дела. В это же время в господской приемной проходит ежедневная обязательная встреча дворецкого с главой семьи.

10.30 Все слуги приступили к своей ежедневной работе: камеристка подшивает платье для леди, одна горничная девушка убирает в спальнях комнатах, другая — собирает вещи для стирки, один лакей находится на посту у парадных дверей, впуская гостей, другой лакей полирует столовое серебро в буфетной.

Экономка организует поставку продуктов. Посудомойка моет сковородки с кастрюлями, еле поспевая за поваром, который готовит второй завтрак и уже планирует обед. Кухарка занята приготовлением обеда для слуг.

11.00 Утренний чай для прислуги, во время которого дворецкий и эконом-

для сна и времени, предоставленного в личное пользование, прямо пропорционально высоте статуса.

Пространственные и временные механизмы дополняются определенными речевыми правилами: дискурсивные ограничения коррелируют с иерархической диспозицией. Право на речевую инициативу напрямую зависит от властных полномочий. Кроме того, очень показательна система использования имен. Так, например, к хозяину дома все, включая даже его жену и детей, обращаются не иначе как «сэр Джон»; хозяйку по преимуществу называют «леди» или «леди Купер» — все, кроме мужа, иногда использующего ее имя, и детей, которые не вполне легитимно продолжают называть ее мамой. К старшим слугам — дворецкому, экономке, гувернеру, камеристке и повару — обращаются по схеме: мистер/миссис + фамилия, а вот младшие слуги, невзирая на возраст, удостоиваются только имен, причем посудомойка и коридорный исключительно в уменьшительной форме, так что их имена в этом контексте звучат почти как клички домашних животных.

ка дают поручения слугам. Лакеи направляются накрывать стол для господского второго завтрака.

12.00 Слуги обедают.

13.00 Сервирован второй завтрак для господ, состоящий из трех блюд.

14.00 Кухарка и посудомойка моют посуду и убирают кухню и буфетную заново. Горничная проверяет работу каминов, камеристка в который раз идет в комнату леди, чтобы облачить ее в платье для чая. Хозяйкина сестра и сын отправляются на верховую прогулку, поэтому вторая горничная и лакей должны помочь им собраться. Конюх седлает лошадей.

15.00 Пока экономка печет бисквиты для господского чаепития, низший обслуживающий персонал имеет право на личные два часа при условии, что все задачи им выполнены, что случается нечасто.

17.00 Господское чаепитие в гостиной комнате, как правило — с гостями.

18.00 Легкий ужин слуг, после которого — напряженный рабочий вечер, кульминация которого — хозяйский обед.

19.00 Первый лакей ударяет в гонг, оповещая хозяев и их гостей, что пора начинать наряжаться для обеда.

20.00 Обед, состоящий из пяти смен блюд, за которым прислуживают лакеи и дворецкий. Пока господа находятся в обеденной зале, горничная быстро приводит в порядок комнаты, где они переодевались перед обедом. Она развешивает платье, задерживает шторы, выкладывает ночное белье.

21.00 Лакеи расчищают стол после обеда, горничные занимаются фаянсовой посудой. Затем лакеи убирают хрусталь, серебро и ножи. Мужская и женская работа ни в коем случае не должны смешиваться. Камеристка и первая горничная будут ждать, когда отправятся спать все леди в доме. После звонка в колокольчик они обязаны помочь хозяйке и ее сестре подготовиться ко сну.

22.30 Дворецкий гасит все светильники, закрывает ставни и задвижки и запирает наружные двери.

См.: *Батлер О.* Эдвардианское настроение. URL: http://antrakt.ng.ru/timeplace/2008-02-22/13_britain.html (дата обращения: 10.10.11).

В итоге возникает любопытный эффект: речевое поведение оказывается настолько сковано этикетом, что никто не говорит того, что думает, — хозяева все время опасаются что-либо обсуждать в присутствии слуг, слуги, в свою очередь, боятся интриг друг друга. К тому же все участники эксперимента должны помнить и о том, как их дискурс выглядит со стороны зрителя, что вынуждает задействовать дополнительные фильтры и потому речь быстро становится чопорной и церемонной, эмоции и отношения передаются очень изысканными косвенными конструкциями. Современные люди так не говорят не только в дискурсивном плане, но и в плане использования языка тела — жестикюляции, но интересно то, что в этой искусственной ситуации они довольно быстро научаются так говорить. Сегодня обилие жестов играет весьма существенную роль в поддержании речевых практик, будучи знаком непосредственности и эмоциональной наполненности общения. Но такая манера еще сто лет назад показалась бы признаком невоспитанности и принадлежности к вполне определенным низшим сословиям. В то время как характерная для прошлого дисциплинированная сдержанность жестов, пресекающая всякое посягательство на личное пространство Другого, сегодня была бы воспринята как признак отчужденности и неискренности. Неудивительно, что столь широко употребляемое сейчас понятие «общение» с его инфантильной трогательностью и поверхностностью не сказало бы ровным счетом ничего представителям эдвардианской эпохи.

Отдельного внимания заслуживает режим «исповедального» разговора с камерой, заложенный в самой структуре реалити-шоу. Именно этот режим в проектах такого рода оказывается единственной легитимной речевой нишей для дискурсивности XXI века, и именно он в конечном итоге поддерживает конфигурацию современной субъектности в участниках.

Пространственная, временная, функциональная и речевая организация повседневности эдвардианской усадьбы, реконструированная в проекте, работает достаточно эффективно, если судить хотя бы по тому, что довольно быстро люди XXI века, более или менее равные по статусу, вдруг как по нотам начинают разыгрывать на уровне габитуса гегелевскую диалектику господина и раба со всеми ее характерными особенностями. Господа снисходительно благодущны, но периодически впадают в экстаз доминирования, и только присутствие камеры (учет современных демократических установок) вынуждает их как-то камуфлировать свое удовольствие от того, что еще Августин называл «похотью господствования». В свою очередь слуги испытывают то приливы чувства преданности и чисто сервильного энтузиазма (что характерно, прежде всего, для дворецкого), то высказывают чисто рабскую ненависть по отношению к хозяевам (это особенно свойственно младшим слугам). Лакеи настолько принимают свой приниженный статус, что не считают для себя зазорным во время приема потихоньку таскать пирожные с господского стола, а после допивать Токай из оставленных гостями фужеров. В пакет внезапно обретенной сервильности входят также мелкие интрижки слуг друг против друга с элементами подсиживания, стукачества и нарочитого желанья унижить тех, кого

можно унижить. Эти интрижки перемежаются взрывами эмоций сплоченности и квазисемейных чувств — это своего рода эмоциональная смазка механики дома, нуждающейся в слаженной работе, а значит, в эдаком корпоративном энтузиазме. Диалектика господина и раба в эдвардианской усадьбе к вящей радости Гегеля завершается переворачиванием ролей — слуги оказываются моральными победителями, господа — побежденными, о чем недвусмысленно сообщают нам авторы проекта в последней серии. Действительно, мы видим, что уклад повседневной жизни господ полностью препоручает их тела заботе слуг, вплоть до того, что сама одежда, подобающая высшему сословию той эпохи, такова, что ее просто невозможно одеть без посторонней помощи. Фактически, владея домом, господа не управляют им, так что и верхи, и низы вполне отдают себе отчет, что вся слаженная структура хозяйствования держится на дворецком. Но даже младшие слуги располагают определенной тайной властью — это власть труда и знания. Они знают о господах почти все, в то время как сами помещены правилами этикета в слепую для господ зону. Предназначение слуги — труд, освещенном пуританской моралью; способность господина наслаждаться жизнью, наслаждаться плодами чужого труда — косвенный, но все же признак того, что его возлюбил Господь. Так что и те и другие имеют шанс на спасение и вполне гармонично дополняют друг друга. Этот момент прекрасно иллюстрирует тезис Бурдье о том, что различные габитусы вплетены в некую единую систему: нельзя воспроизвести габитус господина, если нет габитального фона в виде прислуги, и наоборот. Но если господин даже не в состоянии радостно вкушать вышеозначенные плоды (как это, в конечном счете, и случилось с семейством Оллифф-Куперов), он тем самым сводит на нет не только смысл своего существования, но и ставит под вопрос предназначение слуги. Если «слуги» выполнили свою роль в данном проекте лучше, чем «господа», то это подтверждает отнюдь не метафизическое превосходство труда над праздностью, а, скорее, тот факт, что современная повседневность успешнее производит заготовки под плебейский габитус, чем под аристократический.

Если вернуться к вопросу о габитальной пластичности тела, то есть о его способности к радикальной замене одних техник на другие и возможности, будучи сформированным одной повседневностью, «врасти» в другой образ жизни, то можно сделать следующее предположение. Согласимся с тезисом Мосса о том, что техники тела культурно обусловлены и в этом смысле нет «естественных» (читай «универсальных») человеческих практик. Но при этом тело нельзя уподобить некоей восковой табличке или флеш-карте, которая может быть полностью отформатирована сколько угодно раз. Скорее, человеческая телесность напоминает палимпсест. Однажды нанесенные знаки габитуса поддерживаются повседневными практиками; при их изменении они, конечно, бледнеют, затираются, деформируются и даже отчасти заменяются другими, но никогда не исчезают полностью. Иными словами, за счет инертности или конечности тела в каком-то смысле уникальные конфигурации габитуса необратимы. Проект «Усадьба эдвардианской эпохи» как раз демонстрирует пределы возможных трансформаций,

позволяя увидеть не только то, где участникам удалось измениться и совпасть с предполагаемой повседневностью вековой давности, но и где есть принципиальная неписываемость.

Впрочем, о конфликте габитусов можно судить только косвенно, по тому, где участники проекта отходят от правил. Прежде всего, бросаются в глаза грубые нарушения режима приватности. Например, супруги, согласно этикету эдвардианской эпохи, должны были спать в разных спальнях, нанося друг другу лишь краткие визиты. Но, в конце концов, сэр Джон прописывается в спальне своей жены, так сказать, на постоянной основе. Причина этого — острое чувство отчужденности в отношениях с близкими, спровоцированное условиями проекта. Дело в том, что при современном бытовом укладе повседневные телесные контакты на уровне так называемой малой семьи гораздо теснее, чем они были на рубеже XIX–XX веков. В ту эпоху семейные пары из высших сословий практически не видели ни друг друга, ни своих детей, почти не решали общих вопросов, так что брак не предполагал особенно сильных эмоциональных связей. Отчасти по этой причине адюльтер был тотально распространенным явлением, и его даже не было принято как-то особенно скрывать. При этом близкий доступ к телу господ имела личная прислуга, правда, эта близость не носила собственно эротического характера. Например, камеристка, которая одевала и причесывала хозяйку, часто оказывалась для нее единственным доверенным лицом. Для современной семьи типичны другие техники тела и иные ценностные приоритеты. Во-первых, семьи часто создаются во имя поддержания общих интересов (семьи актеров; художников; деловых людей, ведущих общий бизнес; энтузиастов, разделяющих одну религию или образ жизни — йоги, вегетарианцы, кришнаиты, православные) и совместной культивации того, что называется «личностным ростом». Короче говоря, продолжение рода в рамках «правильного» фамильного древа и поддержание статуса — далеко не первая задача. Учитывая вышесказанное, а также специфические особенности постиндустриального быта и образа жизни, можно говорить о своеобразном габитальном симбиозе супружеской пары: имеет место буквально телесная «притертость», взаимодополнительность функций и привычек при некотором смещении гендерных ролей и индивидуальных стратегиях выстраивания отношений. Потому-то внезапная утрата «второй половины» сегодня оказывается как минимум поводом для тяжелой депрессии, а как максимум и вовсе способна превратить человека в социального инвалида. И вот в проекте мы видим, как семья современного типа оказывается полностью деморализована типом семейных отношений эдвардианской эпохи²⁰.

²⁰ В одной из последних серий леди Купер говорит открытым текстом, что, продлись такая жизнь подольше, ее муж наверняка завел бы себе любовницу, она сама от одиночества сдружилась бы со своей камеристкой, а ее мальчики выросли бы в очень странных молодых людей.

Сходные эмоции, связанные с иным режимом отчуждения, переживают и дети Оллифф-Куперов. В частности, старший сын вписывает в распорядок дня пункт «ежедневный разговор с мамой»; младший сын, явно пытаясь привлечь к себе внимание родителей, активно пользуется маской детской непосредственности и выдает на камеру все тайны семьи. Негласно апеллируя к правам ребенка XX века, он демонстрирует манеру поведения, абсолютно невозможную в эдвардианскую эпоху.

Заметные нарушения режима приватности есть и у прислуги. В частности, посудомойка и коридорный демонстративно заводят роман. В эдвардианский век подобная вольность закончилась бы немедленным позорным увольнением для коридорного, а для посудомойки — перспективой оказаться в одном из двух домов: рабочем или публичном. Но сегодня нарушение «трудового этикета» в пользу личной жизни находит пусть и негласное, но всеобщее признание и даже одобрение. Не говоря уж о том, что любовные интрижки — это большая находка для разного рода реалити-шоу, а потому этот «незаконный» роман всячески культивировался.

Еще одним симптоматичным, пусть и нелепым нарушением правил проекта оказывается борьба слуг за свои права, принимающая время от времени отчаянные и истеричные формы. Чуть ли не с первых дней они жалуются на свои обязанности, непосильность труда и отсутствие свободного времени; требуют не только выходных, но даже помощи со стороны вышестоящих, что вообще не укладывается в принципы субординации того времени. Кроме того, они постоянно нарушают речевой этикет: перечат старшим слугам, критикуют друг друга, рассуждают о своих правах. Несколько раз, вопреки запрету, некоторые обращаются напрямую к хозяйкам, то есть воспроизводят трудовые отношения офисного работника и директора фирмы. Апогеем этой несуразницы становится пение лейбористских гимнов в присутствии хозяев на благотворительной ярмарке. В результате в проекте имели место периодические либеральные уступки вышестоящим нижестоящим, что обычно приводило лишь к ухудшению ситуации, поскольку эдвардианский быт устроен таким образом, что любое смещение функций вносит хаос в повседневную жизнь, чем задаются естественные пределы либерализации. В логике борьбы за равноправие в рамках проекта периодически возникает и феминистский дискурс, который в чистом виде по большей части демонстрирует Эврил, незамужняя сестра хозяйки, которая, будучи независимой и успешной бизнес-леди в XXI веке, оказалась в роли бесправной приживалки в доме своего зятя.

Эти точки нарушения правил следует воспринимать как симптомы не просто нестыковки габитусов, но и стоящей за ними разницы в конфигурации субъекта. Причиной страданий слуг является отнюдь не физическая нагрузка, которая, конечно, превышает то, к чему они привыкли в современной жизни, но к такого рода экстремальности они вполне смогли адаптироваться. Скорее, к бунту их вынуждает радикально иная организация повседневности, систематически лишаящая их права быть субъектами. Действительно, то, чего они были лишены во время проекта, напрямую связано с конституированием субъекта, ведь особо невыносимыми ока-

зались ограничения, связанные с приватностью, сексуальностью, речью и, наконец, правом решать за себя. В этом смысле роман, возникший между самыми низшими членами иерархии, следует расценивать как демонстрацию людьми XXI века их права на приватность. Прислугу изнуряет не рутинность труда, а то, что этот труд не репрезентирует их как деятелей, — почти по Аристотелю, они фактически представляют собой человекоорудия. Так, горничная Ребекка, рыдая перед камерой, говорит, что ее хотя бы могли «считать за человека», ведь она столько работает. Выполняющие высококвалифицированную работу (дворецкий, экономка, повар, камеристка) гораздо меньше волнуются по этому поводу, потому что они специфицированы как деятели и хотя бы в этом смысле у них есть достоинство субъекта. Разумеется, в собственно эдвардианскую эпоху в услужении оказывались по большей части младшие дети фермеров, чей габитус почти вовсе не предполагал никакой субъектности, потому-то они и не воспринимали тяжелый по современным меркам труд и правила поведения как невыносимо угнетающие. Современный же человек вне зависимости от возраста и социального статуса не может смириться с тем, что он считает посягательством на свою суверенность, и это выражается в бунте, мести, мелких бытовых пакостях и декларативной борьбе за права со стороны участников проекта, играющих роль слуг.

Но «верхи» также испытывают проблемы с несоответствием субъектных габитусов. Казалось бы, что может быть проще, чем беззаботно наслаждаться жизнью, а вот поди ж ты!.. С одной стороны, страдания по поводу коммуникативной изоляции и утраты близости²¹, а с другой стороны, постоянные опасения, связанные с чувством несоответствия стандарту аристократического поведения, свидетельствуют о том, что современная форма субъективности имеет совершенно иную конфигурацию и, в каком-то смысле, если так можно выразиться, оказывается гораздо более «сжеженной» по сравнению с той, которая была присуща элитам рубежа XIX–XX веков. Что касается аристократизма, то, по крайней мере, в позднем своем варианте, он предполагал развитую вплоть до гипертрофии чувствительность к оттенкам и нюансам, способность к проведению тонких различий и, как следствие, способность к суждениям вкуса. Эти навыки требовали длительного освоения, тренировки и даже своеобразной аскезы — иными словами, особых техник тела. Пресловутая аристократическая «порода» в этом смысле есть не что иное, как эффект определенной дрессуры тел, воспроизводимой и потому усиливающейся из поколения в поколение. Такие навыки вырабатываются долго, а теряются быстро, если иметь в виду время культуры, а не индивида. Разумеется, Оллифф-Куперы, будучи современными рядовыми обывателями, к имитации аристократизма

²¹ В этом отношении интересно, что Эврил (сестра хозяйки), старший сын Куперов и губернёр в тщетной попытке вырваться из тяготящего их вакуума, пытаются завязать разговор по душам с нижестоящими. Однако для таких разговоров нет ни времени, ни соответствующих речевых форм, а потому все они оборачиваются неловкостью и срывом коммуникации.

способны в весьма невысокой степени. Им несколько облегчили задачу — по условиям игры они должны были изображать семью не собственно аристократов, а буржуа, поднявшихся до аристократического образа жизни и титулов, но даже такая поправка не спасла ситуацию радикальным образом. Свежеиспеченная леди за три месяца научилась не проливать суп на декольте и довольно уверенно и даже изящно ходить по лестницам в платье с длинным шлейфом, но это не дало главного — умения наслаждаться жизнью, тонко чувствовать и выносить собственные суждения. У Оллифф-Куперов нет навыка вкушать, а не просто есть пищу, они не в состоянии оценить тонкостей вина и кулинарии (почему повар и чувствует себя так, будто мечет жемчуг перед свиньями). Леди постоянно не уверена в том, подобающе случаю она одета или нет, правильно ли она приняла гостей, уместны ли ее высказывания и т. п. Изящное оперирование мелочами и чувство тонких различий, конечно, поддерживается этикетом как своеобразной системой координат (например, предполагающей ориентацию в сверхсложной сервировке стола), но для этого сам этикет должен уже восприниматься как элемент габитуса на автоматически-бессознательном уровне, чего нельзя достигнуть за три месяца. Впрочем, для такой задачи и целой жизни будет недостаточно, потому и той части бюргерского сословия, которая умудрилась пробиться в высшие слои общества, потребовалась пара поколений, чтобы освоиться и более-менее «сойти за своих». Чем изощреннее техники тела, тем больше им требуется времени, чтобы сместился вектор «престижного подражания». Культивация способности к тонким чувствам и развернутым суждениям на любые темы — это и есть основа аристократического воспитания в его поздней редакции и, в то же время, показатель элитарности разума и суверенности субъекта²². Разумеется, не надо понимать это буквально в том ключе, что представители благородного сословия вместе со своей «голубой кровью» гарантированно получали в придачу ум и эстетический вкус, которых все прочие классы автоматически были лишены. Однако именно в великосветских кругах эти способности были в высшей степени востребованы, а недостаток вкуса (если таковое несчастье с кем-нибудь случалось) тщательнейшим образом камуфлировался, поскольку мог сойти за возмутительный порок.

²² Как известно, Кант видел в способности суждения (и суждения вообще, и суждения вкуса в частности) «особый талант, который требует упражнения, но которому научиться нельзя». Суть этого таланта — в умении подводить частности под общие правила, а сам он является основным элементом «острого ума». Вкус есть не что иное, как «чувство совершенства», в то время как суждение вкуса предполагает способность убедительным образом различать прекрасное и то, что таковым не является. Таким образом, у Канта вполне очевидно читается указание на элитарный характер суждения вкуса — и потому, что это талант, и потому, что оно обладает специфической властью утверждать нечто в качестве образца или идеала, и потому, что оно позволяет виртуозно перекинуть мостик между познающим и практическим разумом (см.: *Кант И.* Критика чистого разума. СПб.: Тайм-аут, 1993. С. 124—126; *Кант И.* Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994).

Сегодня любые попытки вернуться к аристократическому суждению вкуса оказываются симптоматичными и по большей части провальными. В лучшем случае, мы можем получить всего лишь демонстрацию высокой культуры потребления, своеобразную разборчивость в приобретаемых продуктах. Этот момент, кстати говоря, прекрасно иллюстрируется принципиальным различием между денди и метросексуалом: если первый является суверенным законодателем в области стиля, то второй лишь обладает искусством «держать нос по ветру», то есть вписываться в актуальные тренды. Результатом глобализации и экономики эквивалентного обмена, позволяющей получить что угодно в зависимости от своих доходов, является очередное смещение вектора статусного подражания, техник воспитания и дрессуры. Теперь «эталон» может быть выбран индивидуально: подражание дедам сменилось на подражание медиазвездам. «Self-Made Man» — это тот, кто выбрал одну из медиастратегий для самореализации. Представители благородного сословия про себя в принципе не могли бы сказать, что они «создали себя сами», поскольку принцип наследования определял для них всю жизненную программу. Недостижимость аристократичности связана не в последнюю очередь с тем, что сегодня продолжает господствовать буржуазный тип эпимелей. Если для габитуса буржуа характерна экономика накопления, то аристократ заботится о себе в рамках экономики растраты²³. Изначально, как известно, это было сословие, предназначенное для войны и выращивающее свои тела соответствующим образом. Право на господство подтверждалось, прямо по Гегелю, готовностью умирать и причинять смерть другим. С приходом культуры двора на смену культуре крестовых походов появляется новый способ растраты себя — изматывающая гонка куртуазной роскоши и утонченности в соответствии с установками дворцового этикета²⁴. То есть аристократический тонус за неимением лучшего стимула поддерживался готовностью к проматыванию состояний, прожиганию жизни в азартных играх и близких к трансгрессии удовольствиях, а также, разумеется, участием в дуэлях. Принципиальная и добровольная близость к смерти, в чем бы она ни выражалась, оказывалась необходимым условием чуткости к нюансам жизни, то есть способности к наслаждениям. В этом смысле Первая мировая, уложившая под пулеметы остатки европейской родовой знати и дворянского сословия вообще, с одной стороны, сделала любой аристократизм бессмысленным — машине индустриальной войны абсолютно все равно, какие тела поставлять в мясорубку, а с другой стороны, она же дала ему этическое оправдание, правда, посмертно. Как бы сейчас выглядело это утонченно-декадентское поколение «светских львов», не пойдя оно дружно и почти что беззаботно умирать на какую-нибудь Сомму?! Современная гуманистическая установка, гласящая, что

²³ И в смысле описанных Моссом престижных трат в духе потлача, и в смысле батаевской танатографии эроса.

²⁴ Подробно об этом писал Элиас (см.: Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: социология и история. М.: Языки славянской культуры, 2002).

нет ценности выше, чем ценность человеческой жизни, способность к тонким чувствам аристократического типа парализует на корню, поскольку нормальным считается такое положение вещей, когда наслаждение оплачивается деньгами, а не смертью. Вот и семейство Оллифф-Куперов по своей привычке все время себя экономит, оно не согласно даже на жирную эдвардианскую пищу просто потому, что она «вредит здоровью», а здоровье, как известно, есть условие успешной карьеры, и так далее и тому подобное согласно катехизису современного бизнес-сословия.

Еще один аспект, указывающий на упомянутую выше «съеженность» современного типа субъективности по сравнению с субъектом рубежа XIX—XX веков, — это вопиющая неспособность заполнить свободное время своим собственным существованием. Чувство одиночества у наших современников в «эдвардианском доме» возникает именно потому, что у них нет столь тонко дифференцированной внутренней жизни, чтобы можно было часами предаваться самосозерцанию. Да и навыков соответствующих тоже нет: они просто не умеют самозабвенно увлечься чтением, музицированием, акварелями, написанием писем, мемуаров, дневников или просто со вкусом погрузиться на часок-другой в мечты, воспоминания, впечатления. Современный ритм жизни вытравил все эти навыки, обличая их как проявления асоциальной праздности. Еще бы: потребитель, которому для чувства удовольствия от жизни достаточно свободного времени и самого себя, — это по определению плохой потребитель. Одним словом, то, что некогда было условием развития утонченности восприятия, насыщенности эмоций, а также глубины суждений, сегодня претерпевает трансформацию и превращается в условие успеха. Например, современных детей в тотальном порядке принято учить читать, рисовать и т. п., но цели такого обучения состоят вовсе не в формировании «объема» индивидуальной души, а в сборе пресловутого портфолио, которое станет элементом будущей успешной карьеры.

Пустоты, оставленные незаполненными современным субъектом, погруженным в образ жизни эдвардианских элит, вполне могли бы быть заполнены субъективностью, так сказать, прустовского типа²⁵. Тонкая чувственность такого субъекта доведена до совершенства не только посредством воспитания, раскачивающего маятник впечатлительной детской души до максимальной амплитуды, но и посредством невероятной, почти аристократической растраты — инвестиции себя в запахи, цвета, вещи, образы и последующего скрупулезного собирания себя из осколков мира (не говоря уже о самой радикальной растрате Пруста — необратимом погружении жизни в текст, принятии всерьез смертельного характера письма).

²⁵ Под субъективностью такого типа понимается не какой-либо отдельный персонаж романа М. Пруста «В поисках утраченного времени», но и не сам автор романа. Скорее — это собирательные возможности Марселя Пруста, его героя Марселя, Свана, Сен Лу и даже Шарлю, некая возможность долгих мечтаний, бесконечных разговоров и мучительно неторопливого письма.

Таким образом, сконструированный «прустовский» субъект всегда один, но никогда не одинок, он в постоянном диалоге с самим собой и ему есть о чем с собой говорить. Такой субъект не просто расположен во времени, он обладает временем, обладает возможностью спутывать и неторопливо распутывать нить своей памяти, не прибегая к нервной и поспешной методе разрубания неподатливых узлов. Этот субъект воистину суверенен, он пребывает в полной уверенности, что события его частной, внутренней жизни есть события мирового масштаба, достойные того, чтобы быть спасенными для вечности в виде романа. «Почти аристократическая растрата» — это в случае Пруста важная оговорка. И сам Пруст, и его герой Марсель, и Сван — выходцы из преуспевающих буржуазных семей, ведущие светский образ жизни и в этом смысле претендующие на то, чтобы быть «своими» в аристократических кругах, а стало быть, адаптированные под соответствующий габитус. В этом смысле они справляются как раз с той ролью, которую не в состоянии сыграть Оллифф-Куперы. Таким образом, телевизионный эдвардианский эксперимент позволяет предположить, что, условно говоря, «прустообразный» субъект ныне вымер как вид как раз в связи с утратой определенного габитуса, стиля существования. Будучи образованными людьми, мы при определенных усилиях еще можем дать себе труд вчитаться в эти рафинированные оттенки переживаний, поданные через очень сложный и в то же время изящный язык, но мы уже не в состоянии так мыслить, чувствовать и говорить. Для нас прустовские оттенки чувств и воспоминаний — все равно, что оттенки снега, которые различают эскимосы, они просто не поддерживаются в нас ни соответствующей речевой практикой, ни особенностями саморепрезентации, ни самой структурой опыта, зависящей от образа жизни.

Зато для нас типична другая конфигурация субъекта, возникшая практически одновременно с «прустовской», но в рамках несколько иного габитуса, который мы, надо полагать, наследуем у той эпохи. Эту конфигурацию также довольно условно можно назвать психоаналитической. Делез и Гваттари в «Капитализме и шизофрении», стремясь ограничить тотальные притязания психоанализа на описание любого человеческого опыта, пишут о том, что пресловутый эдипов треугольник Фрейда характеризует только буржуазную семью, он возникает в пространстве буржуазной квартиры и, добавив от себя, нуждается в специфическом бытовом укладе для своего воспроизведения. Так вот, вглядываясь в смоделированную повседневность эдвардианской усадьбы, можно прийти к предположению, что психоаналитическая модель чувства и опыта совершенно не адекватна образу жизни социальных элит конца XIX — начала XX века. Субъект, вызревающий в этом микроклимате, может быть сколь угодно утонченным, болезненным или даже порочным, но он вполне будет свободен от специфически фрейдистской «непристойной» конституции желания и сопутствующего ей комплекса неполноценности²⁶. Эта гипотеза покажется,

²⁶ В повседневном пространстве «эдвардианской усадьбы» отсутствуют некоторые моменты, конститутивные для эдипова субъекта в логике психоанализа. Во-первых, семейная структура здесь далеко не треугольна, имея в виду постоянную

как минимум, странной. Хотя бы потому, что она предполагает различия между «прустовской» и «эдиповой» структурами опыта и субъективности, в то время как сплошь и рядом принято первое интерпретировать через второе. Однако «к Прусту с величайшей поспешностью был применен диагноз эдиповой гомосексуальности, образующейся из-за фиксации на матери, на депрессивной доминанте и на садомазохистской вине. <...> Но тема фундаментальной виновности “проклятых рас” Содомы и Гоморры скрещивается с темой радикальной невинности цветов»²⁷. В самом деле, если техники тела не могут быть универсальными, то почему должны быть универсальными так называемые «психические структуры», или эдипова субъективность?

Так что ценность «эдвардианского» телеэксперимента (как и любого эксперимента) кроме всего прочего состоит в том, что он позволяет нам эмпирически столкнуться с микроразличиями там, где мы теоретически привыкли видеть фигуры тождества. Перенос субъекта из одной среды в другую — неплохой способ почувствовать плотность среды и эксплицировать всегда слишком скрытую структуру сборки субъекта, увидеть то, что слишком близко, разумеется само собой и не замечается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батлер, О. Эдвардианское настроение. URL: http://antrakt.ng.ru/timeplace/2008-02-22/13_britain.html (дата обращения: 10.10.11).
2. Бродель, Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000, — С. 115—142. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/braudel.htm> (дата обращения: 20.11.11).
3. Бурдьё, П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том I, выпуск 2. URL: <http://www.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (дата обращения: 10.10.11).
4. Делез, Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — С. 111.
5. Кант, И. Критика способности суждения. — М.: Искусство, 1994.

включенность прислуги разного уровня в жизнь членов семьи. Во-вторых, отсутствует топос родительской спальни, а специфическое сочетание изолированности и проницаемости даже приватных зон исключает атмосферу «маленького постыдного секрета» — вместе с замочными скважинами исчезают и «грязные семейные тайны». В-третьих, принятая структура воспитания со всеми этими кормилицами и гувернерами такова, что первичная эротическая привязанность к материнскому телу просто не успевает здесь сложиться (нет того момента, когда ребенок выдворяется из родительской спальни или отрывается от материнской груди), а потому мать сразу воспринимается как трансцендентное существо, что-то вроде Приснодевы, и соперничество с отцом (также исходным образом отчасти трансцендентным) за «обладание» ее телом вряд ли в этих условиях может развернуться в основной сценарий внутренней жизни.

²⁷ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 111.

6. Кант, И. Критика чистого разума. — СПб. : Тайм-аут, 1993. — С. 124—126.
7. Гофф, Ж. Ле. В поддержку долгого Средневековья // Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф. — М., 2001. — С. 31—38.
8. Гофф, Ж. Ле. Другое Средневековье: время, труд и культура Запада. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002.
9. Гофф, Ж. Ле, Трюон Н. История тела в средние века. — М. : Текст, 2008.
10. Мосс, М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. URL:http://sbiblio.com/biblio/archive/moss_obshestva/05.aspx (дата обращения: 12.12. 2011).
11. Пруст, М. В поисках утраченного времени. Тома 1, 2, 3, 4, 6. — М. : Круж, 1992—1993.
12. Элиас, Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. — М. ; СПб, 2001.
13. Элиас, Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: социология и история. — М. : Языки славян-ской культуры, 2002.